

А. В. ГРИГОРЬЕВ
(Москва)

ВЫРАЖЕНИЕ «КАК У ХРИСТА ЗА ПАЗУХОЙ» В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ КНИЖНОЙ И НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Искусствовед Мария Чегодаева, размышляя о проблемах, поставленных известным русским богословом Александром Шмеманом в его «Дневниках», писала так: «Есть чудесное выражение: о чем-то особенно хорошем, безопасном, защищенном у нас говорят: «Как у Христа за пазухой». Так и видится: снег, мороз, по ухабистой дороге, сквозь ночь и метель отец ведет за руку маленького сына. Ребенок устал, замерз; он больше не может идти, спотыкается, падает. Отец берет малыша на руки, прикрывает теплой поллой овчинного тулупа...» [Чегодаева 2006, 18].

На первый взгляд выражение *как у Христа за пазухой* воспринимается исключительно как исконно русское, народное. Более того, оно входит в один ряд с такими устойчивыми сочетаниями, как *у матушки за пазушкою*, *у отца-матери за пазушкою*, которые имеют сходное значение 'в безопасности, спокойно'. Фиксируются словарями и выражения *Одна грудь знает, а пазуха не знает; отогрел змею за пазухой* (о неблагодарности), *Не то денежки, что у дядюшки, а то денежки, что за пазушкой* и др.

Как указывают словари, в основе исследуемого выражения, лежат представления об укромном месте между грудью и прилегающей к ней одеждой — пазухе, которая осознается как нечто защищенное, близко прилегающее к человеческому телу¹. Неуди-

¹ Также слово *пазуха* в фольклорных и литературных текстах могло означать 'подмышка' (ср.: Взимала <Марья Лебедь белая — А. Г.> тут Михайла под пазухи, / Бросила Михайла во сыру землю, / Приказала зарыть его в песочки желтые [Былины 1988, 341].

вительно, что они нашли отражение в различных славянских обрядах. Так, в Полесье, выходя в поле в Юрьев день, хозяин дома брал с собой специально испеченный праздничный хлеб и нес его, завернув в полотенце или пасхальную скатерть и спрятав за пазухой или под мышкой [Агапкина 2002, 420]. В Пермской губернии родители и члены семьи благословляли жениха-сына перед отъездом из дома, после чего икону клали за пазуху жениху [Забылин 1996, 122, 127, 131; Назарова]. Поскольку пазуха воспринимается как потаенное, укромное, защищенное место, за пазухой прячут то, что имеет высокую ценность, как материальную, так и духовную: деньги, просфоры, пузырьки с живой водой, новорожденных детей: «Вот и пошли вдвоем; шли-шли, порядком проголодались. Вынул старик из-за пазухи просвирку, переломил пополам; себе взял одну половину» («Купленная жена») [Афанасьев 1985, 176].

Впрочем, данная особенность с практической точки зрения нередко объясняется тем, что в старинной, в том числе и монашеской одежде, отсутствовали карманы, поэтому что-то спрятать можно только за пазухой [Кабакова 2006, 317]. Например, у Н. С. Лескова мы читаем: «Однако, постояв и потянув на себя свежего воздуха, отец Илюдор попробовал за пазухой подрысника носовой платок, в котором лежала благодарность, и позвякал дверною клямкою» («Засуха») [Лесков 1996, 109]. Положить что-либо за пазуху нагому человеку представляется полной бессмыслицей:

Еще где же это видано,
Еще где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес;
Чтобы в середу-то масляница,
А в четверг уж разговленьице;
Чтоб безрукий-то кельть обокрал,
Голопузому за пазуху наклал
[Соболевский 1902, 291].

Ср. также: «Стоит град пуст, а во граде куст; в кусте сидит старец да варит изварец; и прибежал к нему косой

заяц и просит изварец. И приказал старец безногому бежать, а безрукому хватать, а голому в пазуху класть» [Афанасьев 1985а, 218].

В фольклорных текстах (былины, сказки, народные песни) слово *пазуха* является достаточно распространенным, однако непосредственно выражений *жить (быть) как у матушки, батюшки, Христа за пазухой* в них не встречается. Правда, в текстах заговоров указывается, что ключи должны быть отданы «в небесной рай самому Господу Иисусу Христу в нетленную ризу под правую пазуху» («Пастушья молитва») [Ефименко 1878, 171—172], т. е. в абсолютно защищенное место. Однако можно ли данный текст признать источником исследуемого фразеологизма, если данное выражение присутствует во многих славянских языках, но с варьированием компонентов, например в польском: (*żyć*) *jak u Pana Boga za pieciet* — буквально: ‘жить как у Господа Бога за печью’; в чешском: *žít jako pánbůh* ‘жить как Господь Бог’?

Итак, оборот имеет общеславянское происхождение, появляется в славянских странах уже после принятия христианства. Проверим, не могло ли исследуемое выражение возникнуть на Руси в результате влияния библейского текста, пришедшего к нам через посредство Византии. Интересно также понять, почему же в русском языке в данном обороте закрепляется именно слово *пазуха*?

Наш анализ показывает, что в древнерусском языке слово *пазуха* не только имело значение ‘полость, образующаяся между грудью и полами одежды’, но и ‘место у груди, на коленях у кого-то’, ‘нутро, недра’, ‘залив’. Анализ контекстов позволяет увидеть, что синонимами слова *пазуха* в древних славянских текстах могли выступать слова *лоно* и *недро* [Словарь XI—XVII вв., т. 8, 281—282; т. 14, 81; т. 11, 106—107; Срезневский 1989, стлб 46; Срезневский 1989а, стлб. 861—862; Срезневский 1989б, стлб. 1642]. Так, известное библейское выражение *лоно Авраамово* ‘рай’ могло в древнерусских текстах иметь форму *пазуха Авраамля* и *недро Авраамово*. В гре-

ческих оригиналах словам *пазуха*, *недро* и *лоно* преимущественно соответствует слово *kolpos*, которое в свою очередь являлось переводом древнееврейского *hejq*.

Что же означают в библейском тексте слова *kolpos* и *hejq*? Древнееврейское *hejq* (предположительно буквально: ‘изгиб тела человека’) в Пятикнижии используется по отношению к ребенку, находящемуся на руках у взрослого (см., например, Числ 11:12: «Разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его **на руках** <*hejq, kolpos*>² твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвой обещал отцам его?») или применяется для обозначения близости мужчины и женщины (ср. Быт 16:5: «Я <Сара> отдала служанку мою в недро твоё»; а также Втор 28:54—56, где встречается сочетание *муж (жена) недра своего*).

Можно предположить, что здесь слово *hejq* указывает на психосоматическую природу человека. В самом деле, в идеале «брачное общение есть прежде всего духовное единство, общение любви, которое вполне завершается в общении телесном» [Елеонский 1872, 63], а маленький ребенок, находящийся на руках взрослого, составляет с ним единое целое и психологически, и во многом физиологически³. Неудивительно, что в контекстах, где речь идет о ребенке, в синодальном

² Здесь и далее выделения и комментарии автора.

³ Как известно, ребенок, пока находится в утробе, привыкает к определенным условиям существования (температура материнского тела, частота сердцебиения матери и т. п.). Долгое время после рождения он, оказываясь на руках взрослого, чувствует внутреннее состояние его организма. Так, например, если взрослый спокоен, частота сердцебиений ребенка замедляется, если же родитель взволнован, — сердце новорожденного может биться чаще, поскольку ему передается эмоциональное состояние взрослого. Кроме этого, отметим, что ребенок в материнской утробе находится в стесненном состоянии, поэтому пеленание новорожденного и пребывание его на руках взрослого создают у ребенка ощущение физиологического и психологического комфорта и защищенности.

переводе Библии также не используется строго определенное слово для передачи древнееврейского *hejq* (ср.: *руки* — Числ 11:12, *объятия* — Руфь 4:16, *грудь* — 3 Цар 3:20).

Однако постепенно вследствие преимущественного внимания библейских авторов (как это вообще свойственно ближневосточной культуре) к душе человека, его эмоциональному и духовному состоянию, слово *hejq* начинает указывать не столько на конкретное местоположение (руки, грудь, живот человека или тело вообще), но символически — на *внутреннюю сущность человека*, в первую очередь обозначая его духовную суть, возвышающую человека над его психосоматической природой.

Показательно, что в большинстве рассматриваемых контекстов анализируемое слово можно даже заменить личным или возвратным местоимением, а для понятия, выраженного словом *hejq*, в русском языке вообще нельзя подобрать точного эквивалента, поэтому в синодальном переводе Псалтыри мы встречаем слово *недро*, в Книге Екклесиаста — *сердце*, а в Книге Иова — *грудь*. Ср. Пс 34:13: «*Я во время болезни их одевался во вретнице, изнурял постом душу мою, и молитва моя возвращалась в недро мое* <= ко мне>»; Пс 88:51: «*Вспомни, Господи, поругание рабов Твоих, которое я ношу в недре моем* <= в себе> *от всех сильных народов*; Ис 65:6: «*Вот что написано пред лицом Моим: не умолчу, но воздам, воздам в недро их*»; Екк 7:9: «*Не будь духом твоим поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых*»; Иов 19:27: «*Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаевает сердце мое в груди моей* <= во мне>!». В Псалтыри мы впервые встречаем данное слово применительно к Богу. Пс 73:11: «*Для чего отклоняешь руку Твою и десницу Твою? Из среды недра Твоего порази их*».

В Септуагинте — греческом переводе Ветхого Завета — соответствием еврейского *hejq* обычно выступает греческое *kolpos*, однако между этими словами можно выявить определенные

128 различия.

В основе слова *kolpos* лежит образ свода, дуги, выпуклости [Chantrain 1968], поэтому значения у греческого слова развиваются в первую очередь по сходству формы: ‘грудь’, ‘женская утроба’, ‘залив’, ‘бухта’, ‘долина’, ‘лощина’, ‘складка’. Однако в оригинальных греческих текстах у данного слова нет специфического значения, которое бы отражало духовную суть человека, кроме этого, в языке Библии слово *kolpos* служит для передачи тех древнееврейских слов, которые указывает на предметы в форме свода или дуги. Прит 19:24: «*Ленивый опускает руку свою в чашу* <греч. *kolpos*, дреевр. *tsallachath*>, *и не хочет донести ее до рта своего*»; Прит 30:4: «*Кто восходил на небо и нисходил? кто собрал ветер в пригориши* <греч. *kolpos*, дреевр. *chophen*> свои?».

В Новом Завете мы встречаем три контекста, важные для понимания выражения *как у Христа за пазухой*. Ин 1:18: «*Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре* <греч. *kolpos*> *Отчем, Он явил*»; Ин 13:23: «*Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди* <греч. *kolpos*> *Иисуса*» и Лк 16:22 «*Умер нищий [Лазарь] и отнесен был Ангелами на лоно* <греч. *kolpos*> *Авраамово*». В первом случае идет речь о нераздельной Троической Божественной сущности, во втором — по всей видимости, о восточном обычая гостеприимства, когда почетный гость обычно лежал справа от хозяина, так что его голова была на уровне груди хозяина и, слегка откинув голову назад, он почти касался его груди и мог вести беседу слышно для других [Евангелист Иоанн 1998, 70].

Более подробного комментария требует выражение *лоно Авраамово*. Оно достаточно широко употреблялось уже начиная с первых веков нашей эры, в том числе и в новозаветных апокрифах: «*Если обращаются они к крещению Моему, и принимаю Я их вместе с праведниками Моими в лоно Авраамово*» (Откровение Седраха 14:4).

Имя Авраама используется здесь не случайно. Именно Авраам, как указывают и иудейская и раннехристианская традиции, одним из первых праведни-

ков попадает в рай. Согласно иудейским сочинениям уже Моисей, которому был показано Царство Небесное, увидел в нем сидящего на самом большом и красивом троне Авраама. Об этом же повествует апокриф «Завещание Авраама»: «Вознесите ныне друга моего Авраама в рай, где пребывают шатры праведников Моих и где обители святых Моих Исаака и Иакова в лоне его, и нет там страдания, печали и стонов, но мир, веселье и жизнь бесконечная (20:12). Об Аврааме, встречающем мучеников, говорится и в 4 Книге Маккавейской (13:17). В христианской традиции Авраам — отец всех верующих.

Какой же образ лежит в основе выражения *лоно Авраамово* в анализируемом отрывке из Евангелия от Луки? По всей вероятности, поскольку Авраам, имя которого означает *отец множества народов* (он, по словам апостола Павла, *отец всем нам* (Рим 4:16)), представляется верным замечание С. С. Аверинцева: «Он <Авраам> усыновляет не только избранный народ, но и каждого верующего. Быть на лоне Авраамовом — значит, быть интимно соединенным с Авраамом, как дитя» [Аверинцев 1997, 118]. Таким образом, в основе данного выражения лежит ближневосточная идея духовной близости и нераздельности, которая находит свое отражение на страницах Ветхого Завета.

В святоотеческой литературе мы встречаем активное истолкование данных трех контекстов. Важным представляется, что в этих сочетаниях используется не только выражение из Ин 1:18 *kolpos tou patros* ‘лоно Отца’ и Ин 13:23 *kolpos tou Iesou* ‘грудь, лоно Иисуса’, но *kolpos tou theou, Christou* ‘лоно Бога, Христа; Божья, Христова пазуха’.

Отцы Церкви, объединяя Ин 1:18 и Лк 16:22, отмечают, что «верующие люди пребывают на лоне веры Авраама, как Сын на лоне Отца, то есть Бога» (Ориген). Неоднократно утверждает, что многие праведники находятся на лоне Бога (за пазухой Божьей: *kolpos tou theou*), являющемся «хранилищем благодати». Речь здесь идет и о земной

жизни праведников, и об их посмертной судьбе, когда они оказываются на лоне Бога, за пазухой Христовой, т. е. в раю. Таким образом, выражения *лоно Авраамово* и *лоно Бога, Христа* во многих случаях являются синонимами.

Почему для передачи греческого *kolpos* славянским переводчикам понадобилось целых три слова — *лоно, недро* и *пазуха*?

Слово *лоно* выражает исконный библейский смысл физиологической и духовной близости и нераздельности, поскольку данное слово (*лоно* < *logspno) родственно словам *лежать, ложе* и *ложесна* * ‘матка, материнское чрево’; кроме того, в.-луж. и н.-луж. *loпо* может означать ‘охапка’ [Фасмер 1996]. Нередко слово *лоно* кажется переводчикам древнейших славянских текстов недостаточно сильным для обозначения нераздельности, особенно в Ин 1:18, поэтому оно может заменяться словом *недро*, которое более удачно подходит для перевода *kolpos* и в новозаветных, и в ветхозаветных эпизодах, так как этимологически означает ‘то, что внутри, внутренности’ из *jadro < et(e)г ‘внутренности’ [Фасмер 1996] или согласно гипотезе В. Георгиева из *ne-ed — ‘то, что не едят, внутренности’, ср.: греч. *pedys* ‘желудок’, ‘живот’, ‘внутренности’, ‘материнское чрево’, ‘полость’ [Георгиев 1958, 60]. Таким образом, *лоно* — там, где лежат, недро — то, что обязательно лежит, находится внутри чего-либо. Во втором случае значительно ярче выражена идея нераздельности.

В древнерусских текстах мы уже чаще встречаем слово *пазуха* (обычно объясняют из *paz- ‘под’ и *-dixa, ‘рука; предплечье; нижняя часть передней лапы животного’ [Фасмер 1996]), которое отражает исконные славянские представления об укромном и защищенном месте. Нередко греческие фразеологизмы *upo tas agkalas (einai, istemi)* ‘быть, находиться под защитой’, буквально: ‘внутри согнутых рук — в объятиях, на лоне’ (*agkale*) или *epi agkalais prosphoitaio* — с тем же переносным значением, буквально: ‘прийти на лоно, в объятия’ переводятся с использованием

исследуемого славянского слова: ‘*под пазухами быти, прибегнуть в пазуху*’.

В текстах русской литературы XIX века, как кажется, еще можно уловить отголосок древнего значения «рай». Обратим внимание, что у *Христа за пазухой* не только *спокойно и безопасно*, но и *тепло*: «В куренке топлива идет мало, а тепло как у Христа за пазухой» («Загон») [Лесков 1981a, 162—163]; *сладко есть и спать*: «Будешь ты жить у меня, как у Христа за пазухой, кушать сладко, а спать еще слаще того» («Степной король Лир») [Тургенев 1949, 275—276]. Сравним, как описывается рай в сочинениях Отцов Церкви: «...*Рай подобен трапезе* <trapeza — ‘стол, питание, еда, кушанье, блюдо’>. *Кто видел трапезу на ветвах сего древа <жизни>? Целые ряды плодов всякого рода под руками вкушающего; по порядку один за другим сами приближаются к нему; плоды насыщают и утоляют его жажду, роса служит ему омовением, листья — чистым платом. Не истощается сокровищница у богатого всем Господа... Бурным месяцам с их ветрами нет доступа в рай, где господствует мир и тишина. И самые угрюмые месяцы цветут там роскошною приятностию, потому что приятен воздух в соседстве с Едемом... В благословенной стране блаженства нет ни вредоносного холода, ни палящего зноя. Там пристань радостей, там собрание всяких утех; там обитель света и веселия...*» [Ефрем Сирин 2002, 501, 503].

Более того, сатирическое описание сытой и праздной жизни помещика Оболта-Оболдуева до отмены крепостного права — как у *Христа за пазухой*, — содержащееся в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», сопоставимо с библейским фрагментом Быт 1:26: «Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему <— сказал Бог,—>, и да владычествуют они <т. е. люди в раю> над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»:

Ну, вижу, вижу: поняли!
 Так вот, друзья, и жили мы,
 Как у Христа за пазухой,

И знали мы почет.
 Не только люди русские,
 Сама природа русская
 Покорствовалась нам.
 Бывало, ты в окружности
 Один, как солнце на небе,
 Твои деревни скромные,
 Твои леса дремучие,
 Твои поля кругом!
 Пойдешь ли деревенькою —
 Крестьяне в ноги валяются,
 Пойдешь лесными дачами —
 Столетними деревьями
 Преклонятся леса!
 Пойдешь ли пашней, нивою —
 Вся нива спелым колосом
 К ногам господским стелется,
 Ласкает слух и взор!
 Там рыба в речке плещется:
 «Жирей-жирей до времени!»
 Там заяц лугом крадется:
 «Гуляй-гуляй до осени!»
 Все веселило барина,
 Любовно травка каждая
 Шептала: «Я твоя!»
 [Некрасов 1989, 77].

Итак, исследуя привлеченные тексты, мы можем увидеть, что в безопасности можно находиться за пазухой у отца, матери, Христа (Бога) и Авраама. Это показывает: несмотря на то, что выражение как у *Христа за пазухой*, которое, возможно, определяется народными славянскими представлениями об укромном надежном месте, обнаруживает близость книжным библейским (Лк 16:23, Ин 1:18 и Ин 13:23), а также выявленным святоотеческим контекстам. В христианской традиции *пазуха Авраама* и *пазуха Божья* становятся образами неразрывного единства Бога и праведника. В Эдеме жизнь Адама и Евы представляла собой непосредственное Богообщение. Нарушение гармонии всего мира, охватывающие человека чувства страха и незащищенности являются следствием грехопадения первых людей. Избавиться от этих чувств возможно только в результате стремления к Богу, единения с ним. Тогда гармония и покой снова возвратятся к человеку. Именно отражение в исследуемом выражении библейского смысла близости и нераздельности Бога

и праведника позволяет Н. С. Лескову «перевернуть» данный оборот. Автор в повести «На краю света» описывает мальчонку Кирюшку, которого Господь спас от порки по его усердной молитве: «И так усердно об этом в жару веры молился, что даже запотел и обессилел; но тут вдруг на меня <Кирюшку> чудной прохладой тихой повеяло, и у сердца как голубок тепленький зашевелился, и стал я верить в невозможность спасения как в возможное, и покой ощутил и такую отвагу, что вот не боюсь ничего, да и кончено! И взял да и спать лег: а просыпаюсь, слышу, товарищи-ребятишки весело кричат: “Кирюшка! Кирюшка! где ты? вылезай скорей, — тебя пороть не будут”». Далее рассказчик делает вывод: «Сам суди: ...<Бог>, видя ребячью скорбь, под банный полочек к мальчонке подполз в душе хлада тонка и за пазушкой обитал... Люблю этого нашего русского Бога, который творит себе обитель “за пазушкой”» («На краю света») [Лесков 1981, 417]. Следовательно, истинно верующий человек чувствует себя спокойно и безопасно — как у Христа за пазухой, как в раю, если у него самого за пазухой Христос, т. е. праведник должен стремиться к единению с Господом, к непосредственному Богообщению, как первые люди до грехопадения.

В заключение повторим, что в выражении *как у Христа за пазухой* на уровне формы и смысла сложным образом переплетены элементы книжной христианской и народной русской культуры.

Литература

- Аверинцев 1997 — *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
- Агапкина 2002 — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Афанасьев 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 т. Т. 2. М., 1985.
- Афанасьев 1985а — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 т. Т. 3. М., 1985.
- Былины 1988 — Былины. М., 1988.

Забылин 1996 — *Забылин М.* Русский народ: Обычаи, обряды, предания, суеверия. М., 1996.

Георгиев 1958 — *Георгиев В.* Въпроси на българската етимология. София, 1958.

Евангелист Иоанн 1998 — *Евангелист Иоанн.* Благая весть. Письма. Откровение. М., 1998.

Елеонский 1872 — *Елеонский Н.*, прот. История (порождения) небес и земли. Сотворение мира. Рай. Грехопадение. Опыт истолкования 1:1—3:24 кн. Бытия // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1872. Кн. 2.

Ефименко 1878 — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии / собр. П. С. Ефименком. Ч. 2. М., 1878.

Ефрем Сириин 2002 — *Ефрем Сириин.* О рае // Избранные слова. М., 2002. С. 491—505.

Кабакова 2006 — *Кабакова С. В.* Как у Христа за пазухой // Большой фразеологический словарь русского языка. М., 2006.

Лесков 1981 — *Лесков Н. С.* Собрание сочинений в 5 т. М., 1981. Т. 1.

Лесков 1981а — *Лесков Н. С.* Собрание сочинений в 5 т. М., 1981. Т. 5.

Лесков 1996 — *Лесков Н. С.* Полное собрание сочинений в 30 т. М., 1996. Т. 1.

Назарова — *Назарова И. Ю.* Культурная семантика пазухи в славянской народной традиции // www.ruthenia.ru/folklore/nazarova1.htm.

Некрасов 1979 — *Некрасов Н. А.* Собрание сочинений в 4 т. М., 1979. Т. 3.

Словарь XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—2007.

Соболевский 1902 — Великорусские народные песни / изд. проф. А. И. Соболевским. Т. VII. СПб., 1902.

Срезневский 1989 — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 1.

Срезневский 1989а — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2.

Срезневский 1989б — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3. Ч. 2.

Тургенев 1949 — *Тургенев И. С.* Собрание сочинений в 11 т. М., 1949. Т. 7.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. М., 1996.

Чегодаева 2006 — *Чегодаева М. А.* Услышать призыв: Христос с нами, здесь и сейчас, во все дни до скончания века. Отклик на «Дневники» прот. Александра Шмемана. // Истина и жизнь. 2006. № 5/6.

Chantrain 1968 — *Chantrain P.* Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Paris, 1968.